

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ

Правда. — 1992. — 2 июня.

«Как мила наша земля и как мало у нас слов»

Однажды меня покорила фраза из книги «Камешки на ладони» Владимира Солоухина: «Когда читаешь Паустовского много, собрание сочинений, создается впечатление, что очень большую картину рассматриваешь по фрагментам на близком расстоянии. Чувствуешь, что фактура великолепна, а цельного впечатления не получается».

Я обиделся за любимого писателя. Мое детство прошло на пыльных, плотно залитых асфальтом улицах в центре Москвы, где зелень считалась излишней роскошью, на юг и дачу почему-то не возили, и оттого общение с природой шло с помощью книг. К счастью, многие из них написал Константин Георгиевич.

Паустовский писал о простых вещах — сосновых борах, поемных лугах, лесных озерах, заросших черной кутой, стогах, пахнущих теплым сеном, — писал так чисто и легко, скромно и точно, что сводило зубы словно от ледяной воды. Ни разу не побывав в Мещерской стороне, я ясно увидел ее, почувствовал кожей и полюбил на всю жизнь.

Позже, набравшись нахальства, я установил некую внутреннюю общность с писателем. Очевидно, от скудости впечатлений и по-детски жадного желания их приобрести, я считал лучшим своим занятием путешествия по

географическим картам. Расценивал это как слабость и тщательно скрывал от домашних и друзей. Читая Паустовского, понимая, что не одинок. Тот странствовал по атласу Петри и, по воспоминаниям писателя, «карты эти оживали, наполнялись шумом водопадов, голосами неведомых птиц, гудками пароходов и звоном маячных колоколов».

Никогда не видел его близко, только на фотографиях и в кинохронике — невysсокого, сухого, с садившимся от тяжелой болезни голосом, но знал, что моя школа в двух шагах от его квартиры на Котельнической набережной, в прачичной помпезной высотке, так диссонирующей с простой, ясной прозой.

В эти дни Паустовскому исполнилось бы сто лет. Он не написал толстых романов, его повести умещаются в сотню страниц, а «Мещерская сторона» и «Исаак Левитан» ограничены десятками. Паустовский любил рассказывать о художниках слова и кисти, используя самую малость красок, предпочитая скупые мазки, короткие абзацы.

Наверное, в чем-то прав Владимир Солоухин, говоря о некой фрагментарности в творчестве Паустовского. Думаю, писатель и не ставил перед собой сверхзадачи, неисполнимые цели; он, возможно, как никто другой в шеренге писателей, протянув-

шейся у нас в стране до горизонта, прекрасно знал свое место. Говоря, «как мила наша земля и как мало у нас слов, чтобы выразить ее прелесть», он и не пытался кокетничать.

Всегда становится неловко, когда, любуясь красотой природы, некто в компании начинает вслух, нарочито выражать свое восхищение. Паустовский в своих книгах всегда искренен, никогда «не жмет на слезу».

...В эти дни в Москве без особой помпы прошла конференция, посвященная юбилею писателя, были торжества и в Тарусе, где долгие годы счастливо жил и творил Константин Георгиевич. Кстати, к стыду нашему, первый музей Паустовского создан не в СССР, а в Болгарии. Его произведения известны миру, недаром ЮНЕСКО объявило нынешний год Годом Паустовского.

Впрочем, не ищите на сегодняшний день московских многочисленных книжных развалах «Золотую розу» или «Кара-Бугаз». К «круглой дате» едва удалось подготовить двухтомник весьма скромным тиражом 30 тысяч, он выйдет осенью в издательстве «Писатель».

Он был подлинно русским человеком и художником, хотя детские годы прошли в Киеве, на тихой Ботанической улице. Взгляд Паустовского на мир и его окружение всегда преломлялся через собственное ощущение родины, осознание себя русским до последней прожилки. Выстраданные слова писателя: «Всю нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдал бы за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу» — составили бы честь гимну любой страны.

Александр БАТЫГИН.

● К. Паустовский в Тарусе. 60-е годы.

Фото калужского писателя Владимира Кобликова. Публикуется впервые.

